

КЛУБ ЧАСТНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ

АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВ

СЕЗОН 3

Александр Николаев

**Клуб частных
расследований. Сезон 3**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Николаев А.

Клуб частных расследований. Сезон 3 / А. Николаев —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-1-38-788000-3

Жизнь полна неожиданных приключений. В ней нередко причудливым образом всплывает далёкое прошлое. Оно меняет судьбы соприкоснувшихся с ним людей, образуя невероятные и не всегда безопасные ситуации. Члены Клуба Частных Расследований вынуждены начинать расследования, в процессе ведения которых в их жизнь вторгаются новые персонажи очередных повествований. Молодые и не очень, добрые и недобрые, законопослушные и не совсем, они придают яркие оттенки обыденному существованию наших героев, не позволяя расслабиться и забыть о том, какой разноцветный мир их окружает.

ISBN 978-1-38-788000-3

© Николаев А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Александр Николаев	5
Мёртвая Луна	5
1	5
2	6
3	12
4	17
5	18
6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Николаев Клуб частных расследований. Сезон 3

Мёртвая Луна

1

Июнь выдался на удивление жарким. При полном безветрии через день громыхали грозы, обрушая на город потоки воды. В такие минуты ливневая канализация не успевала направить мутные ручьи в подземные тоннели, проложенные под центральным проспектом, и булыжная мостовая в нижней его части нередко оказывалась под толстым слоем воды. На её поверхности, кружась в воронках над водостоками, плавали мусор, охапки соломы, мелкие ветки деревьев. Потом вода стекала в Днепр, неистовое солнце испаряло влагу, и тогда пот липкой испариной покрывал тело, солёными каплями сбегал по лицу, пятнами выступал на одежде.

Днём утомлённые жарой обитатели города старались не покидать свои жилища и места работы без особой на то нужды. На опустевших улицах лишь изредка можно было увидеть медленно движущийся экипаж или фигуры людей, озабоченно прокладывающих путь среди луж да островков вязкой грязи. И только ближе к ночи слабый ветерок со стороны Днепра приносил долгожданное облегчение. Тогда оживали немногочисленные рестораны в центре города, а на бульваре появлялись любители вечернего моциона.

В один из таких вечеров из подъезда двухэтажного дома, стоявшего неподалёку от пересечения улицы Полицейской с Жандармской, там, где начиналась балка, стали выходить мужчины и женщины разного возраста: от совсем молодых до тех, к кому вот-вот должна была постучаться старость. По одежде и манере двигаться можно было предположить, что они относятся к небедной части городского населения. Всего их оказалось чуть меньше двадцати человек. Разбившись на небольшие группки, они тихо переговаривались, явно в ожидании кого-то.

Кто-то обратил внимание на необычно чистое небо, украшенное у горизонта огромным лунным диском, и какое-то время разговоры вертелись вокруг опостылевшей всем темы дождей, заливающих город, но постепенно они затихли, и люди стояли молча, погружившись в свои мысли. Сумерки медленно скрадывали силуэты окрестных домов, в окнах которых стали загораться огни. Где-то в глубине балки надрывно лаял пёс. Временами его лай сменялся протяжным воем, и тогда кое-кто из женщин украдкой осенял себя крестом.

Вскоре на невысоком крыльце у входа в дом показался рослый мужчина лет тридцати. Он запер за собой дверь на ключ и повернулся лицом к толпе. Все замерли в ожидании. Стало слышно как где-то неподалёку струится не то ручей, не то небольшая речушка.

На аскетически худом, бледном лице мужчины, казалось, отдельной жизнью жили тёмные, почти чёрные, глаза. Не смотря на жару, на нём была костюмная тройка тёмно-серого цвета, белая рубашка и чёрный, небрежно завязанный галстук. Прямые светлые волосы, симметрично разделённые пробором, открывали высокий лоб, в живописном беспорядке ниспадали на плечи, делая лицо узким, словно лезвие топора.

Человек обвёл взглядом стоявших перед ним горожан, вынул из кармана пиджака мятый платок и, прижав его к губам, несколько раз глухо кашлянул:

– Братья и сёстры мои! – произнёс он негромко, но неожиданно властно и твёрдо. – Сегодня наступает тринадцатое полнолуние. То самое, которое мы так долго ждали и к наступлению которого упорно готовили себя последнее время. Этой ночью Владычица ночи будет

обладать наибольшей силой. Ещё немного и её лучи станут осязаемыми. Тогда на короткий миг они соединят наш суетный мир с Верхним миром, и мы должны быть готовы к этому.

Прошлой ночью мне снова было видение, в котором Владычица Ночи, сказал, что готова будет принять каждого из нас и обогатить Знанием, которое откроет нам тайну бытия и раскроет смысл нашего существования. Готовы ли вы к этому таинству, братья и сёстры?

В ответ на это из толпы раздалась невнятные возгласы, дающие понять, что мужчины и женщины готовы принять участие в магическом обряде. Человек у входа в дом медленно поднял правую руку с зажатым в ладони предметом, похожим на хрустальный шар, и каждый из присутствующих бессознательно сосредоточил своё внимание на этом пятне, светлом на фоне приближающейся ночи:

– Я рад слышать, что прошлые двенадцать погружений не прошли для вас бесследно, – продолжил он всё тем же негромким властным голосом. – Прошу надеть ритуальные одежды, и пусть все медленно произнесут про себя сакральную мантру, посвящённую Владычице Ночи. После этого мы опустимся в подземелье и на берегу Мёртвого потока совершим завершающее действие. И помните: чтобы не произошло – я с вами, мои братья и сёстры!

Последнюю фразу мужчина в костюмной паре почти выкрикнул, протянув руки, как-бы беря тем самым присутствующих под своё незримое покровительство. Даже в сгущающихся сумерках был виден безумный огонь, горевший в его глазах.

Дарья Никитина, не в силах противиться воле этого человека, достала из сумочки шёлковый плащ тёмно-синего цвета, по подолу которого и на рукавах были нашиты серебряные звёзды и полумесяцы, надела его на себя и набросила наголову капюшон. Ей было страшно от того, в чём она участвовала сейчас, от двух предыдущих таинств, но люди вокруг неё молча делали то, что приказал Мастер, и по ним трудно было определить, напуганы ли они так же как и она, или всё это просто следствие её слабой психики и воображения. Мужчина на крыльце в отличие от остальных был одет в плащ голубого цвета, капюшон скрыл худое лицо, и только глаза в глубине накидки, казалось, излучали свет беспредельной власти.

– Я попрошу мужчин разобрать факелы, они в этом ларе, – жестом указал он на деревянный ящик, в котором обычно хранились дрова для печей в доме. Убедившись, что его приказ выполнен, Мастер сошёл с крыльца и направился к зарослям кустарника, в глубине которых слышался звук текущей воды. Люди нестройной колонной двинулись за ним.

Даша, прижав к груди дамскую сумочку, шла последней. Она невольно вдохнула его запах, когда Мастер проходил мимо. От этого привычно забило сердце, сладкая истома родилась в груди и, опустившись, растаяла где-то в районе живота, бёдер. Исчезло чувство страха, вызванное происходящим, в голове, казалось, не осталось никаких мыслей, кроме желания следовать за Ним. И девушка молча шла за братьями и сёстрами к привычному месту в подземелье, где происходило таинство единения с умирающей и рождающейся заново Владычицей Ночи.

2

Членом тайной логи, которая носила пугающее название «Мёртвая Луна», Даша Никитина стала случайно. Начало этому было положено летом прошлого года, вскоре после того, как она лишилась отца. Ему ещё не было и пятидесяти, когда известный в городе адвокат, пребывая в суде, внезапно почувствовал себя дурно и лишился сознания. В таком состоянии он и умер. Апоплексический удар – констатировал приехавший врач.

Мать Даши ушла из жизни три года назад вследствие быстротечного туберкулёза, и, таким образом, выпускница привилегированной гимназии для девиц благородного происхождения осталась совершенно одна. Сестра отца, приехавшая на похороны из далёкого Екатеринослава, предложила поселиться у неё, а дом в Москве временно сдать в аренду. Тётя была

бездетной, обеспеченной дамой лет сорока. Она всегда хорошо относилась к Даше, и, подумав, девушка приняла идущее от чистого сердца предложение. Так она оказалась в быстро растущем городе на юге Российской империи, заложенном фаворитом императрицы на холмистом правом берегу огромной реки, несущей свои воды к далёкому морю.

Тётя имела каменный дом в центре города, где Даше на втором этаже была отведена просторная комната с балконом. К ней примыкала вторая, поменьше, служащая уютной спальней. Примечательным было то, что из спальни имелась дверь в коридор, откуда лестница вела к чёрному выходу. Дверь эта всегда была заперта, но горничная как-то показала Даше где хранятся все ключи, хотя надобности в них не было совершенно никакой.

Жизнь вскоре обрела размеренный характер и, если говорить откровенно, стала чуточку скучной. Знакомств на новом месте ещё не образовалось, и по этой причине чтение романов было единственным развлечением, которое хоть как-то скрашивало вялое течение бытия. Для Даши вошло в привычку сразу же после завтрака брать сумочку, зонтик и делать неспешную прогулку по Екатерининскому бульвару. Потом она выбирала свободную скамейку и принималась читать, погружаясь в волшебный мир, полный опасных приключений, ярких страстей и необыкновенной любви. А что может быть прекраснее томительного ожидания любви, когда тебе неполных восемнадцать лет!

Вздыхая, Даша откладывала в сторону книгу и затуманенным взором вглядывалась в дома напротив, представляя как когда-то и в её жизни появится такой же необыкновенный герой: мужественный, сильный, не похожий на окружающих мужчин. И ещё в нём непременно должна будет присутствовать некая тайна, в которую она будет посвящена. Он будет тем, кому она отдаст свою жизнь и самое себя, полностью, без остатка. При этих мыслях сладко сжималось сердце, беспричинно набегали слёзы и ещё смутно хотелось чего-то такого, о чём запретно было представить даже в мыслях.

В один из воскресных дней, когда время уже близилось к полудню, на той части бульвара, что вела к вершине холма, показался высокий молодой мужчина. Он был без головного убора, длинные светлые волосы живописно спадали до самых плеч, придавая идущему некий артистический облик. Тёмный костюм – тройка, белая рубашка с шейным платком, начищенные ботинки выдавали в нём человека обеспеченного, а выражение лица и манера держаться несколько отстранённо от окружающего мира – непростую организацию ума.

Заложив руки за спину, мужчина медленно шёл по тротуару, погружённый в свои мысли. Случайно оторвавшись в эту минуту от книги, Даша подняла голову, их взгляды встретились, и девушка ощутила как тонет в глубине этих чёрных глаз, как взволнованно забилось её сердце в ожидании чего-то необычного. Она сглотнула ком, образовавшийся в горле, и с трудом перевела дыхание.

Мужчина прошёл мимо, но затем замедлил шаг, повернулся и направился к ней. При этом он внимательно смотрел на девушку, и бесстрастное выражение его лица вскоре сменилось лёгкой улыбкой, с какой обыкновенно взрослые смотрят на беззаботно играющих детей.

– Добрый день, сударыня! – сказал мужчина, остановившись в трёх шагах от скамейки.

– Здравствуйте! – растерянно произнесла Даша.

– Простите, я могу разделить ваше одиночество? – продолжил он чуть хриловатым голосом, отчётливо произнося каждое слово. – Если только вам, разумеется, не покажется нескромным предложение постороннего человека.

Незнакомец сопровождал свои слова плавными жестами правой руки. Его глаза, казалось, смотрели просто в душу девушки, она чувствовала как тает её воля в присутствии этого человека, и наставления тётушки о вреде случайных знакомств даже не всплыли в памяти.

– Да, – ответила она несколько растерянно, – вы можете присесть на скамейку... Но я ведь совершенно не знаю вас...

– Спасибо, сударыня, – ответил мужчина, садясь рядом, – не беда, что мы не знаем друг друга. Это легко можно исправить. Позвольте представиться: к вашим услугам Виктор Павлович Сикорцев – врач, практикую в области психиатрии. Говоря «к вашим услугам», я, разумеется, ни в коем случае не имел в виду область своих профессиональных интересов. А как, простите, зовут очаровательную барышню?

– Даша, – смущённо проговорила девушка, – барышню зовут Дарья Никитина.

– Рад знакомству, Даша, – ответил он, – не стану скрывать, сегодняшний день для меня был наполнен скукой, но теперь совершенно ясно, что это была лишь прелюдия к знакомству с вами. Могу ли я узнать, чем вы занимаетесь?

Девушка не сразу нашлась с ответом: как-то не хотелось признаваться, что она живёт у тётки на правах, по сути, близкой родственницы, не более того. Впрочем, она никогда не задумывалась об этом.

– Я недавно переехала из Москвы в ваш город, – наконец решилась она, – живу у сестры отца. Чем заниматься дальше, ещё не решила.

– Вот как.... И что же послужило причиной вашего переезда к нам из столицы?

– Месяц назад неожиданно скончался мой отец. В Москве родственников у меня нет, и тётка предложила переехать на время к ней сюда, в Город.

– О, простите мою бестактность! Я не мог даже предположить такое...

Ещё раз прошу простить мне эту оплошность.

– Что вы, Виктор Павлович! Право же, не стоит извинений: откуда вам было знать о причине моего приезда в ваш город.

Они замолчали. Даше нужно было уходить, поскольку близилось время обеда, а тётка никогда не садилась за стол без племянницы, в которой души не чаяла. Она поднялась:

– Простите, но я должна идти: меня ждут дома.

Сикорский тоже поднялся. Он оказался на голову выше девушки.

– Не скрою, мне жаль расставаться с вами, Даша, – сказал он всё тем же чуть хриловатым голосом, который обволакивал сознание, словно опийный дым свою жертву, как это было в одном из прочитанных ею недавно романов.

– Но я могу надеяться на то, что увижу вас завтра?

– Да, – ответила девушка, удивляясь собственной смелости, – я почти каждый день бываю здесь, кроме тех разве, когда идёт дождь. Надеюсь, что приду и завтра, если, конечно, не случится что-нибудь из ряда вон выходящее.

– Буду также на это надеяться. И в котором часу вы обыкновенно гуляете?

– Как правило я прихожу сюда часам к десяти – одиннадцати.

– Вы не будете возражать, если я тоже приду в это время.

– Нет, – ответила она, чувствуя, как краска мимо воли заливает её лицо, – я не стану возражать.

– Спасибо за согласие! Но я хотел бы проводить вас домой? Если позволите...

– Не стоит, пожалуй. Тётушка не поощряет случайных знакомств, а тем более на улице.

– О, это её право! Ваша тётка определённо умна. Тогда до завтра, Даша.

– До завтра, Виктор Павлович, – ответила девушка.

Она не помнила, как оказалась у дома и только у себя в комнате осознала, что ей первый раз в жизни назначили свидание. Самое настоящее свидание, такое как это описывали книги. И она легко согласилась, не зная, кто этот человек и чем он занимается. Такие мелочные мысли даже не возникли в девичьей головке.

В ту ночь девушке долго не спалось. В мыслях она то и дело возвращалась к дневному эпизоду на бульваре, вспоминала глаза этого человека, улыбку, его манеру говорить, слегка жестикулируя правой рукой, от которой слегка расплывалось и туманилось сознание. За окном виднелся огромный диск луны, напоминавший женское лицо, словно застывшее в

немом крике. Близилось полнолуние. От призрачного света, заливавшего комнату, было как-то грустно и немного тревожно. Незаметно для себя Даша уснула.

На следующий день с утра пошёл дождь, который не прекращался до самого вечера, и свидание, увы, не состоялось. Девушка была расстроена, и это заметила даже тётушка. Пришлось сослаться на мигрень, и весь день провести, не выходя из комнаты, с книгой в руках.

Утром Даша проснулась от того, что в окно её спальни ярко светило солнце. На душе сразу стало как-то светло и радостно. Она прилежно выполнила всё, что входило в её утренние обязанности. Для этого нужно было привести себя в порядок, затем следовал завтрак с тётушкой, за которым состоялось обсуждение последних новостей из городских газет, потом она читала ей вслух несколько страниц из последнего романа Стендаля и только после этого можно было выйти на моцион.

В воздухе пахло свежестью после вчерашнего ливня. Над влажной мостовой курились едва заметные испарения. Немногочисленные прохожие оживляли городской пейзаж. Её скамейка, на которой девушка обычно погружалась в мир нездешних событий с раскрытой книгой в руках, была ещё влажной. Даша в замешательстве остановилась, раздумывая как быть. Часы на башенке соседнего дома показывали половину десятого. Тогда она решила пройтись вверх по аллее, чего раньше не делала.

По обе стороны проспекта высились каменные трёх-и четырёхэтажные дома. Чуть выше вправо и влево уходили улицы, также застроенные солидными особняками. Даша, раскрыв зонт, медленно шла вверх, разглядывая окрестности и незаметно для себя оказалась на широком открытом пространстве. Из рассказов тётушки она знала, что эта площадь называется Соборной. И действительно, слева, залитый солнечным светом, сиял купол Преображенского собора. Перед ним у входа во двор, окружённый невысокой чугунной оградой, высился памятник Екатерине Великой. Взор величественной императрицы, облачённой в римские одежды, был устремлён куда-то по течению реки, бесшумно несущей свои воды к южному морю. На фундаменте ограды, прислонившись к решётке и вытянув ноги, сидели двое мужчин в рабочей одежде с папиросами в руках.

Даша, осмотрев окрестности, решила уже возвращаться, когда её внимание привлёк человек, шедший по тротуару вдоль домов, окаймляющих площадь слева. Она остановилась, вглядываясь в эту фигуру, и почувствовала как вздрогнуло вдруг и стало биться быстрее её сердечко. Это определённо был Сикорцев. Девушка остановилась в нерешительности, не зная как себя вести в подобной ситуации: оставаться на месте в ожидании казалось неприличным, уйти же совершенно не хотелось. Пока она раздумывала, Сикорцев заметил её. Он издал приветственно помахал рукой, ускорил шаг и вскоре оказался рядом.

– Доброе утро, Даша! – произнёс Виктор Павлович чуть взволнованно от быстрой ходьбы.

– Доброе утро! – ответила девушка, чувствуя как густо краснеет в присутствии этого человека.

– Я уже решил, что не смогу больше увидеть вас: на привычном месте вы так и не появились.

– Да, но целый день шёл дождь! Боюсь, мне не просто было бы объяснить тётушке желание прогуляться в такую погоду.

Сикорцев улыбнулся:

– Пожалуй, это и в самом деле была бы сложная задача. Но сегодня, надеюсь, я могу сопроводить вас хотя бы до скамейки?

– Думаю, можете. У вас ведь нет дурных мыслей в отношении беззащитной девушки?

Сикорцев откровенно рассмеялся:

– Как можно, конечно же есть! Ведь на самом деле моё настоящее имя Синяя Борода. Я похищаю юных девушек и увожу их на далёкие острова в океане.

– И какова же судьба этих несчастных?

– Она прекрасна: девушки живут в великолепном храме, сложенном когда-то в седой древности из отполированных блоков розового гранита, им прислуживают чернокожие девушки, привезённые из Африки, и они полностью посвятили себя служению Богини Ночи.

– Почему так? Почему не богу Солнца?

– О, Дашенька, это не простой вопрос, и, соответственно, на него не может быть дан простой ответ, – неожиданно серьёзно ответил Виктор Павлович, беря её под руку. – Вам никогда не приходила в голову мысль о назначении человека в этом мире?

Даша удивлённо взглянула на него. Шедший рядом человек был на редкость серьёзен, что не походило на прежнего беззаботно флиртующего мужчину.

– Нет, – ответила она, – мне не приходилось задумываться о таких сложных вещах. И как это связано с похищением девушек? О, я поняла: вы безжалостно мучаете их, задавая подобные вопросы?

– Дорогая Даша, девушки здесь не при чём. Это просто была шутка, первое, что пришло в голову, когда вы спросили, нет ли у меня дурных мыслей на ваш счёт. А вот в отношении смысла нашей с вами жизни, согласитесь, лучше всего думать не под тёплыми лучами дневного светила, а лунными ночами, когда всё вокруг погружается в сон, а Богиня Ночи заливает землю своим призрачным светом, пробуждая к жизни древние силы, когда-то господствовавшие в этом мире. В полнолуние воскресают монстры, но приходят они не ко всем, а только лишь к избранным. И не стоит бояться этих существ, их появление для конкретного человека – знак необычности, знак отторжения от толпы.

Вы знаете, Даша, ведь Франсиско Гойя ошибочно полагал, что сон разума порождает чудовищ. Это совсем не так. Именно во сне, когда сознание человека отделено от суеты нашего мира, к отдельным людям приходят Древние. Только им – посвящённым – передают они сакральные знания давно ушедших цивилизаций, раскрывают смысл бытия. Эти древние носители знаний поклоняются Владычице Ночи, они её верные слуги.

Даша растерянно вслушивалась в монотонную правильную речь своего спутника, которую он сопровождал выразительными жестами правой руки, и чувствовала как её сознание обволакивает нечто, подобное незримой паутине, постепенно лишая воли. Она освободила правую руку, на которой всё крепче сжимались мужские пальцы, резко остановилась и перевела дыхание. Сикорцев по инерции сделал пару шагов вниз по аллее и тоже остановился, развернувшись к ней. Его лицо было бледным, глаза запали, на висках выступили мелкие капельки пота.

– Что с вами, Виктор Павлович? Вам плохо? – испуганно спросила девушка.

Виктор Павлович несколько раз тряхнул головой, словно отгоняя вызванных воображением невидимых монстров, и с усилием улыбнулся:

– Нет-нет! Со мной всё в порядке, – ответил он. – Просто, знаете, заработался вчера, до поздней ночи принимал пациентов. А кроме того, нынешней ночью мне плохо спалось, оттого, видимо, и некоторая усталость. Но мы с вами немного прогуляемся, сегодня прекрасная погода, и я приду в себя. Простите, ради Бога, что напугал вас своими рассуждениями. Прошу вас, не принимайте это близко к сердцу.

– Хорошо, – ответила Даша, – только давайте больше не будем говорить о монстрах, возникающих в полнолуние, даже если они и являются носителями тайных знаний. Признаюсь откровенно, мне вполне хватило обычных, тех, что нам дали в гимназии. Так мы идём к скамейке?

– Ах, да! – спохватился Сикорцев. – Конечно же, идём. Прошу вас, возьмите меня под руку. И давайте поговорим о чём-то более приземлённом, но от этого не менее прекрасном, например, о вас.

– Что вы, – рассмеялась девушка, приходя в себя после недавнего инцидента, – в моей жизни нет ничего такого, что представлялось бы интересным. Я обычный человек: живу сего-

дняшним днём, словно мотылёк, и жду чего-то такого, что в состоянии перевернуть мою жизнь, придать ей смысл, как выговорите. Но я молода и надеюсь, что у меня всё ещё впереди... А вот вам уже определённо есть, что вспомнить, Виктор Павлович! Вы взрослый самодостаточный человек. Расскажите мне, будьте добры, о вашей профессии. Каково это быть врачом-психиатром, пользоваться людей с необычной психикой, возвращать к жизни заблудшие души? Ведь это, наверное, так интересно!

Сикорцев усмехнулся её горячности:

– Увы, должен вас огорчить, Даша. Ничего интересного, а тем более романтического, в нашей профессии нет. Хотя, не скрою, лично мне бывает порой любопытно общаться с людьми, психика которых нарушена, то есть отличается от среднестатистического человека.

– Вы хотели сказать – нормального человека?

– Если хотите – да, пусть будет так.

– А что вообще считается нормой в понимании вашей специальности?

– О, Дашенька, это не простой вопрос. Если вы начнёте читать специальные книги по психиатрии, то неизбежно найдёте у самой себя отклонения от так называемой нормы.

– Даже так? Но должно же существовать какое-то общепринятое определение психически нормального человека?

– Ну, скажем так: нормальным принято считать человека, который придерживается принятых в обществе этических правил поведения. При этом, может оказаться так, что эти правила в разных социумах могут существенно отличаться. Скажем, то, что считается нормальным в племени аборигенов, живущих на уровне каменного века, в цивилизованном обществе не может быть таковым. К примеру, обычай поедать сердце поверженного врага или скальпировать его. У нас такого любителя экзотики сочли бы ненормальным и упрятали в дом умалишённых.

Девушка, живо представив сцену снятия скальпа с человека, брезгливо поморщилась:

– Похоже, вы правы: моральные принципы на разных этапах развития общества были неодинаковы, а в соответствии с этим и определение, что такое «нормальность», могло меняться. Ну, хорошо, предположим, что к вам на приём доставлен человек, который совершенно точно ненормален. Вы убедились в этом и приступаете к лечению. Какие вы применяете методы для этого? Какие из них наиболее действенны?

– Дашенька, это очень специфическая тема. Скажу только, что в любом случае вместилищем болезни является человеческий мозг. Нередко, погружая пациента в глубокий сон, удаётся разблокировать неработающие его участки и добиться неплохих результатов.

– И как же вы его погружаете в глубокий сон?

– Для этого существует гипноз, имеются специальные методики подавления бунтующего сознания, позволяющие вернуть психику человека в норму.

– И что же, любого человека можно ввести в гипнотическое состояние?

– Практически любого. Лишь очень немногие люди обладают способностью сопротивляться воле гипнотизёра.

– И вы обладаете такими гипнотическими возможностями?

– Да, – чуть помедлив, ответил Виктор Павлович, – обладаю. Это ведь моя специальность.

– И что же, вы, к примеру, можете меня загипнотизировать против моей воли?

– Думаю, что смогу, но не стану этого делать. Поверьте, у вас нет причин меня опасаться.

Так в разговорах они незаметно дошли до скамейки, на которой обычно Даша читала во время дневных прогулок. Время пролетело незаметно. И когда оно подошло к обеду, они с обоюдным сожалением попрощались, договорившись встретиться завтра на этом же месте.

3

Виктор Сикорцев родился в Казани, в богобоязненной семье обедневшего помещика, которая вынуждена была расстаться с родовым гнездом и перебраться в город. Имение было вовремя продано, деньги предусмотрительно вложены в банк, что позволяло иметь небольшую ренту. На эти деньги скромно жили двое взрослых и ребёнок. Шли годы. Мальчишка рос, окончил гимназию и поступил в местный университет на медицинский факультет.

По окончании учёбы Виктор несколько лет проработал в городском доме призрения за душевнобольными, где приобрёл немалый опыт, а затем вернулся в университет, куда к тому времени был приглашён некто Владимир Михайлович Бехтерев, молодой, но уже довольно известный специалист в области изучения психических состояний человека. Столичный профессор организовал новую кафедру, при которой была психофизиологическая лаборатория, где и продолжил свою работу Виктор.

По удивительному стечению обстоятельств они появились на свет божий в один год, совпали даже число и месяц рождения. Возможно это обстоятельство, но, скорее всего, некоторая схожесть характеров, умение Сикорцева нестандартно мыслить и аналитический ум Бехтерева способствовали постепенному сближению молодых людей. Виктор стал частым гостем в доме своего непосредственного начальника, где под молчаливым присмотром его жены Наташи они могли часами говорить о феномене человеческого мозга, о непостижимости природы сознания.

Одним воскресным днём, уже ближе к ночи, после хорошего ужина, за которым был опробован новый сорт водки, разговор зашёл о предназначении человека. Говоря об этом вечном предмете философских прений, нельзя было обойти стороной причину возникновения человека – вершины живого мира. При этом Бехтерев был согласен с теорией эволюции Чарльза Дарвина, а Сикорцев разделял взгляды каббалистов, утверждавших, что всё вокруг нас, включая человека, это результат некоего одномоментного Действия.

– И кто же, по вашему, совершил это ваше действие? – спрашивал в сердцах Бехтерев.

– Бог, – терпеливо отвечал Сикорцев, – только ему под силу было совершить такое.

– Да что вы говорите эдакое, батенька! – возмущался Владимир Михайлович. – А как же быть со всемирной историей? С археологией, наконец? Как быть с нашим прошлым, с миллионами лет, оставшимися позади?

– С нашим прошлым, увы, мы вынуждены жить, – усмехался в ответ на это Виктор Павлович, – выбор-то у нас небольшой. А что касается миллионов лет, так и время, простёртое в необозримое прошлое, родилось в тот самый момент, когда мир наш появился на свет божий. Кстати, как можно объяснить необходимость появления человеческого сознания в нём? Вы же понимаете, что прямой необходимости для планеты в этом никогда не было, а человек, как вид, выжил бы, даже имея он чуточку меньше мозгов. Номо sapiens ведь достаточно сильный примат.

Молодой профессор, не ожидавший такого вопроса, задумался. Сикорцев, покачивая ногой, с улыбкой смотрел на заведующего кафедрой и лабораторией психических расстройств. Наконец Бехтерев нехотя произнёс:

– Согласен, батенька, необходимости в этом для человека не было. Это узкое место в теории Дарвина.

– Конечно узкое! Это же придумать нужно было такое: слепой случай во главе угла и бесцельное существование человека в перспективе. Нет уж, увольте! По мне гораздо гуманнее и привлекательнее идея креационизма, хотя, не стану спорить, и к ней есть много вопросов.

– От вашей каббалы, дорогой Виктор Павлович, за версту несёт плохо скрытой религией. А там, где религия, нет места науке, и лично меня это не устраивает совершенно. Что же в отношении сознания, то, по моему разумению, мы находимся в самом начале непростого процесса

изучения этого феномена. Мне совершенно ясно, что его наличие связано с особым устройством нашего мозга. Иначе и быть не может... Именно мозг является генератором сознания, но как это работает, в настоящее время, увы, мы даже не догадываемся. Но я почему-то уверен, что пройдет время, и знания, полученные на пути его изучения, изменят в будущем и самого человека, и мир вокруг него. Собственно, для этого и создана, если разобраться, наша лаборатория. Вы ведь согласны с этим?

– Отчасти да, согласен. Но что вы скажете о душе человеческой? Ведь именно её наличие, прежде всего, и отличает человека от животного. Она скрыта в глубинах сознания? Или где-то ещё?

Владимир Михайлович поднялся с кресла и задумчиво прошёлся по комнате. Это всегда было признаком того, что заданный ему вопрос не прост и требует времени для поиска ответа на него. Наконец, он остановился перед сидящим на диване Сикорцевым:

– А как бы вы сами определили, что такое душа? Ведь без чёткого понимания того, что представляет собой предмет дискуссии, она сама по себе теряет смысл. Так что же такое, по-вашему, есть душа человеческая?

Виктор Павлович словно ожидал, что дело примет такой поворот, и это его не смутило. Он рассмеялся и ответил сразу же, не задумываясь:

– Признаться, сам над этим долго думал, но так и не смог найти ответ, который бы меня устроил. Не подумав, я бы сказал, что это проявление, отзвук Бога в человеке, но порой смотришь на иного и понимаешь, что божественная благодать явно прошла мимо этого венца природы. Зато в мире животных иногда можно наблюдать такое, что иначе как наличием души, пусть даже примитивной, не объяснить.

Тогда, может это результат борьбы за человека Бога и его Оппонента? Их отражение в нём? Это, пожалуй, ближе к теме нашего разговора, но, боюсь, тоже не удовлетворит ни вас, ни меня. В особенности вас, поскольку здесь, как вы говорите, нет науки. Да и как можно привязать её к такому тонкому предмету?

– Да, непросто... Несомненно одно: сознание и душа это взаимосвязанные категории, изучать которые несомненно следует, и гипноз один из тех немногих инструментов, которые приблизят раскрытие тайны бытия.

Сегодня утром, кстати, имел удовольствие наблюдать за тем, как мастерски вы провели сеанс массового гипнотического воздействия. Признаюсь, был потрясён. Вы – талантище, мой друг. У меня на глазах преображались люди, менялась их суть, иными становились устремления. Я глубоко уверен в том, что гипнозом, в том числе коллективным, со временем можно будет не только лечить многие психические расстройства, но и, если можно так выразиться, улучшать природу человеческую.

Вот вы, Виктор Павлович, как практикующий врач, можете сказать, что происходит во время гипнотического воздействия с человеком? Меняется ли при таком воздействии то, что мы называем душой? Случалось ли вам хотя бы единожды ощутить её у пациента во время сеанса?

– Не знаю даже, что ответить..., – задумался Сикорцев. – Возможно... Весьма вероятно... Хочу заметить, друзья мои, что я и сам меняюсь под час сеанса гипнотерапии. Никогда не признавался в этом, но сейчас откроюсь: не только наши испытуемые находятся в состоянии какого-то транса, но и сам я словно на время ухожу из этого мира. И там, в странном многоцветьи, мне приходится выбирать источник силы. И это каждый раз происходит по-разному. Иногда возникает впечатление, будто бы в это время невольно касаешься чего-то огромного, потустороннего, такого немыслимо прекрасного, что не хочется возвращаться обратно, хочется остаться там навсегда...

Но порою бывает и так, что приходится соприкасаться с чем-то холодным, жутким, но при этом также невероятно могущественным. От него уходить обратно очень сложно, он

словно высасывает из тебя все жизненные силы. И, кстати, мои подопечные во время сеансов в зависимости от того, с кем я контактирую, тоже чувствуют себя по-разному.

Профессор с недоумением смотрел на взволнованного Сикорцева:

– Вы об этом, батенька, никогда не говорили... Виктор Павлович, вы уверены, что всё это не ваши фантазии, вызванные попросту напряжением мозга во время гипнотического сеанса?

– Увы, нет! Когда я ощутил это впервые, мне тоже пришла в голову такая же мысль. Но потом, когда опытов стало больше, стало ясно, что сознание во время сеансов покидает моё тело точно так же, как и моих пациентов. Не могу знать, где происходит их взаимодействие, но совершенно точно не в нашем мире. Трудно подобрать подходящие слова для описания того, что я вижу во время гипнотического сеанса. И, признаться, это чем дальше, тем больше волнует меня.

И знаете, во мне всё больше крепнет уверенность в том, что во Вселенной не мы одни обладаем живым сознанием. Где-то невообразимо далеко есть миры, очень похожие на наш.

– И что же, вам приходилось видеть их во время сеансов?

– Да, приходилось, хотя я понимаю, что в это трудно поверить. В особенности меня привело в замешательство общение с некими существами, которые внешне напоминают нас, но мораль которых основана на совершенно иных принципах. Во главу угла общественного устройства там положен принцип главенства всего общества, а жизнь отдельно взятого существа имеет ценность только с точки зрения полезности её для всего социума. Нет пользы – нет и смысла в поддержании такой жизни. И я так понял, что такие особи в том мире подлежат стерилизации, уничтожению, попросту говоря.

– Да, я гляжу, вы изрядный фантазёр, батенька! Нечто подобное о вселенской жизни я уже имел возможность слышать во время своего короткого визита в Калугу от одного тамошнего учёного – самоучки. Запомнил его фамилию... И где же находится эта ваша цивилизация? Отчего, не к ночи будь сказано, мы не знакомы с ней? Что заставляет их скрываться?

Сикорцев был удивительно серьёзен, что не вязалось с тем, о чём он рассказывал:

– Владимир Михайлович, я понимаю, что говорю странные вещи, подлинность которых невозможно доказать. Разве что вы сами согласитесь принять участие в моём гипнотическом сеансе. И в самом деле, отчего бы вам не рискнуть? Ведь ни один из моих пациентов до сих пор не пострадал от этого. Тогда вы сами имели бы возможность убедиться в том, что мои слова не просто фантазии.

Владимир Михайлович поймал настороженный взгляд жены. Наталья незаметно подмигнула ему и вскользь прижала палец к губам: молчи, дескать, не реагируй. Бехтерев откашлялся и неожиданно для себя спросил:

– И что же, Виктор Павлович, вам приходилось бывать у этих существ?

Каково, интересно, там?

Сикорцев словно ждал этого вопроса. Он коротко взглянул на хозяина дома, на его жену и, не задумываясь, ответил:

– Да, вынужден признаться, что мне однажды пришлось, как бы глазами одного из них, увидеть мир, в котором они живут. Это случилось, примерно, год назад во время очередного сеанса гипнотерапии. Признаться, я до сих пор не могу понять, что это было: то ли случившийся вдруг глубокий сон, то ли результат непонятной работы мозга во время гипнотерапии. Но весьма вероятно также, что это могло быть попросту галлюцинацией, следствием обычного переутомления.

Насколько я понял из ментальной информации, существо это мужского пола принадлежало к той узкой прослойке общества, которых здесь, у нас, называют учёными. Он просил называть его д'Ункас. Я не знаю каким образом, но мы с ним как-бы поменялись телами. Он в моём имел возможность познакомиться с Землёй, а я в его – с планетой, именуемой Тамира.

Эти существа, кстати, я повторяюсь, очень похожи на людей, за исключением разве что формы ушей, разреза глаз, фактуры волос и каких-то иных мелочей, которые я мог заметить лишь вскользь, и которые по этой причине не сохранились в моей памяти. Они имеют, примерно, наш рост, так же сложены и похоже одеты: куртки, брюки, сапоги.

Их женщин мне не удалось видеть, только мужчин, поскольку действие происходило в каком-то помещении совершенно гигантских размеров. Я потом понял, что это был храм в нашем понимании. Возможно, их религия, как и нашим мусульманам, не позволяет находиться в одном и том же священном месте мужчинам и женщинам одновременно.

Я вышел из какой-то машины, внутри которой оказался непонятным для меня образом, уже в теле д'Ункаса. Стоявшие на площадке перед этим механизмом существа – язык не поворачивается назвать их людьми – видимо ждали моего появления. При виде меня они зашумели, переговариваясь, а затем один из них, одетый в чёрные одежды в отличие от своих разноцветных соплеменников, жестом пригласил меня пройти на балкон. Я последовал за ним.

Снаружи, скорее всего, вечерело. Воздух был чист и пропитан приятным запахом, каким пахнет луг в летний полдень. Стайка крупных птиц, выстроившись в клин, неспешно пролетала наискосок прочь от храма, исчезая вдаль. Передо мной до горизонта простиралась долина такого необыкновенно глубокого цвета, который я рискнул бы назвать тёмно-синим, ближе к фиолетовому. Присмотревшись, я понял, что такой цвет ей придают низкорослые, посаженные неподалёку друг от друга деревья. У горизонта виднелись далёкие горы, украшенные снежными шапками. Вершины их были залиты оранжевым светом зашедшего светила. У крайней виднелось одинокое ослепительно-белое облако в форме шара.

Высоко в небе, которое там имеет светло-оранжевый оттенок, висела их луна. Она имела размеры, примерно, нашего спутника, но только форма пятен на диске была совершенно иной. Присмотревшись, я уловил необыкновенное сходство этой луны с черепом, имеющем странную для такого предмета округлую форму. Всё было на месте: глазницы, треугольный провал носа, и даже безгубый рот, в котором угадывались остатки зубов. Признаюсь, испытал лёгкий дискомфорт, когда до меня дошло это невольное сравнение.

Но не успел я в полной мере насладиться видением незнакомого для меня мира, когда стоящий рядом мужчина в чёрных одеждах тронул меня за локоть и знаком показал, что нужно возвращаться назад. Назад – это значило к механизму, внутри которого я неожиданно обнаружил себя во время гипнотического сеанса.

Машина к этому времени оказалась вся окутанной электрическими разрядами, что привело моих спутников в возбуждённое состояние. Они буквально затолкали меня внутрь, за мной захлопнулась дверь, раздалось низкое гудение каких-то скрытых моторов, и я снова оказался в зале перед сидящими в креслах пациентами, погружёнными в глубокий гипнотический сон. Часы показывали, что от начала сеанса прошло не более пятнадцати минут. Далее всё было как обычно, разве что мои пациенты казались более сонными, чем обычно. Но такое бывает при гипнотерапии, но мне ли вам об этом рассказывать.

Вот такая коллизия, господа, приключилась со мной. Я до сего времени никому не рассказывал об этом, боясь быть превратно понятым, но сейчас вот под действием то ли настроения, то ли нашей дискуссии всё же решился: свои ведь люди. И, знаете, как-то сразу стало легче... Ну-с, так что скажете на это, Владимир Михайлович, да и вы, Наталья Петровна? Что это могло быть: результат гипноза или нечто иное, не имеющее к нему отношения?

Бехтерев и жена переглянулись, по их лицам было видно, что им трудно найти ответ на это вопрос. Да и сам рассказ произвёл сложное, если не сказать более, впечатление. Наконец, Владимир Михайлович осторожно, без тени улыбки заметил:

– Н-дас... И когда же вы успели ознакомиться с устройством их общества?

– Это было позже.

– Вот как! То есть нужно понимать, что ваш контакт с этими существами не был единичны... А как вы вообще себя чувствуете, Виктор Павлович? Может, мне стоит осмотреть вас?

Сикорцев не ожидал такой реакции профессора на его рассказ и явно был этим расстроен. Он встал из кресла и, отойдя к окну, глухо произнёс, глядя куда-то в сгущающиеся сумерки:

– Вы что же, полагаете будто я нездоров? Что всё то, о чём я вам рассказал, это не более, чем бред моего воспалённого воображения? У вас тоже такое мнение, Наталья Петровна?

– Что вы, Виктор Павлович! Видит Бог, Владимир Михайлович не хотел вас обидеть. Не следует воспринимать его слова так категорически... Но вы оба, должна упрекнуть, последние месяцы работаете, словно каторжане: без нормального сна и надлежащего отдыха. Уж мне ли не знать, чего стоит вам обоим эта лаборатория. Немудрено и до галлюцинаций на почве нервного истощения...

– Собственно, это я и имел в виду, говоря о нездоровье, – добавил Бехтерев, чувствуя себя несколько неловко при виде стоящего к ним спиной Сикорцева. – Прошу простить, Виктор Павлович, если вопрос мой был не к месту. Право же, я вовсе не хотел обидеть вас таким образом.

– Да я и не сержусь вовсе, друзья мои, – повернулся к ним Сикорцев. – Видимо вы правы: все мы и в самом деле устали от той бездны работы, которую на себя взвалили. Прошу простить мне мою резкость и откланяться. Пойду домой отсыпаться. Завтра ведь у нас дополнительно намечены несколько сеансов гипноза.

– Нет-нет! – встал на его пути Бехтерев. – Я не отпущу вас, пока мы ни выпьем по рюмке на посошок, и я ни услышу, что вы не сердитесь на нас с Натальей.

– Хорошо, не откажусь от посошка, крепче сон будет.

– Ну, вот и отлично! Прошу к столу.

Садиться за стол не стали. Наталья Петровна с улыбкой наблюдала за тем, как мужчины стоя выпили по рюмке водки и обнялись на прощанье.

– Не обессудьте, – мягко произнёс Сикорцев, – за несколько испорченный вечер. Не стоило мне рассказывать то, что и в самом деле могло быть всего лишь сторонним эффектом гипнотического сна. До меня только сейчас дошло, что и в обычном-то сне нередко мы пребываем в столь реальном мире, после которого, проснувшись, не сразу-то и сообразишь, где находишься: там или здесь.

– Не беда, батенька, – похлопал его по плечу Бехтерев, – не принимайте близко к сердцу. Наташа права: мы все попросту устали. Ступайте домой и хорошенько выспитесь. Завтра у котором часу у нас первый сеанс?

– В десять, если не ошибаюсь.

– Ну, вот и отлично. Не стоит приходить раньше. Я жду вас ровно к этому времени.

– Хорошо, я так и сделаю, до завтра. Спокойной ночи, Наталья Петровна.

– Спокойной ночи, Виктор Павлович.

Сикорцев ушёл, и молодые супруги некоторое время молча смотрели на закрывшуюся за ним дверь.

– Что скажешь, Наташа? – спросил Бехтерев, приобняв жену за плечи.

– Прости, но, к сожалению, ничего хорошего. Ты не замечаешь, как всё чаще наш новый друг бывает бледен и молчалив? Как порой его речь теряет связность? А этот сегодняшний его рассказ о якобы состоявшемся обмене телами с неизвестным существом и путешествии на иную планету, вокруг которой вращается какая-то мёртвая луна? Это не может быть результатом ваших неумеренных увлечений гипнотическими сеансами?

– Помилуй Бог, Наташенька! Со мной-то, надеюсь, ничего подобного не происходит, хотя я не меньше Виктора Павловича занимаюсь отладкой методики массового гипнотического воздействия. Или я просто не замечаю этого?

– Да нет, слава Богу, за тобой я не вижу никаких пагубных отклонений. Но это просто может говорить о том лишь, что твоя психика более устойчива, чем у Сикорцева. И не более... А вот наш новый друг явно нуждается в продолжительном отдыхе. И ты, как его начальник, должен непременно настоять на этом.

– Хорошо-хорошо, радость моя! Только не волнуйся так, я всё устрою, как ты говоришь. Считаю, что с завтрашнего дня Виктор Павлович в отпуске. Это я тебе обещаю.

– Хорошо бы... Но только согласится ли он сам с таким решением?

– О, душа моя, ты же знаешь, как я могу быть настойчив в случае нужды. Поверь, завтра Сикорцев будет думать уже о том, где провести ему ближайший месяц, а не о своих инопланетянах. И вот что, не пора ли нам тоже баиньки? Я что-то тоже устал, признаться.

С этими словами он аккуратно, но властно привлек жену к себе, целуя её пахнущие лавандой волосы.

– Да, ты прав как всегда, дорогой, – улыбаясь, ответила ему поцелуем Наташа. – Иди ложись, постель там уже приготовлена, а я быстренько уберу со стола и приду к тебе.

Спустя полчаса в квартире Бехтеревых погас свет.

4

Встречи Даши с её новым знакомым стали регулярными, и вскоре она не уже мыслила своей жизни без этого человека. Сикорцев оказался очень интересным человеком: умным, хорошо образованным, интеллигентным. Кроме того, что скрывать, он был по-мужски красив, напоминая девушке героев прочитанных ею романов. Дарья была покорена обаянием Виктора Павловича, невольным чувством власти, исходившей от него. Ей нравилось во время прогулок по городу, идя рядом с Сикорцевым, ловить на себе оценивающие взгляды идущих навстречу дам. Нравилось ощущать под рукой его упругий бицепс, чувствовать тепло и ощущать запах этого человека. В нескромных мыслях, которые невольно возникали в девичьей головке перед сном, он был её, и ни чьим больше, мужчиной.

Потом всё произошло как-то удивительно быстро и в полной тайне от тётушки. Однажды, провожая домой, Сикорцев огляделся вокруг и, убедившись, что их никто не видит, вдруг привлек девушку к себе и крепко поцеловал. Она забилась в его руках, протестуя, но тут же обмякла, не в силах сопротивляться, и ответила ему таким же страстным поцелуем.

Это было волшебное время. Они искали уединённые места и целовались до безумия. Но наступила осень, а затем и зима, и таких мест не осталось вовсе. А любовная энергия требовала выхода. Оставалась лишь арендованная квартира Виктора Павловича. Она имела отдельный вход, и при определённом уровне осторожности внутрь можно было попасть незаметно. Даша долго не решалась войти в жилище одинокого мужчины, но стоило поступить так первый раз, и потом уже было проще. Вместо публичной библиотеки, куда девушка по мнению тётушки ходила с завидной регулярностью, она всё чаще стала проводить время в квартире Сикорцева.

Довольно долго их любовь ограничивалась объятиями, ласками и поцелуями, после которых, вернувшись домой, Даша долго не могла прийти в себя. Особенно трудно было уснуть. Прикосновения мужских рук к груди, животу, бёдрам вызвали непонятный сладостный жар во всём теле. Этот жар требовал выхода, но Даша даже в мыслях боялась представить себе то, о чём тайком, посмеиваясь, переговаривались её более опытные в любовных делах гимназические подруги. Необычное поведение девушки заметила даже тётушка, обратив внимание на то, что на вопросы она порой отвечает невпопад. Это обеспокоило её, но Дарья взяла себя в

руки и свою рассеянность объяснила влиянием прочитанных романов и чисто женским недомоганием.

Но то, что неизбежно случается в таких случаях в отношениях между мужчиной и женщиной, всё-таки произошло. Она не помнила, как оказалась раздетой в постели, как, дрожа, помогала ему войти в неё, и лишь момент сладостной боли остался навсегда в женской памяти. Опустошённые, они долго тогда лежали рядом, крепко обняв друг друга, и только необходимость вернуться домой вовремя заставила Дарью прийти в себя. Она оделась с его помощью, попросила не провожать и ушла к себе.

Девушка шла медленно вниз по бульвару. В памяти то и дело всплывали мгновения близости, и тогда ей казалось, что все, кто шёл ей навстречу догадываются о том, где она была и что там произошло. Опустив глаза и избегая встречных, она вернулась домой и, сославшись на мигрень, рано легла спать.

Любовью они стали заниматься регулярно, договорившись предварительно, что дети не входят в их ближайшие планы, поэтому нужно быть осторожными и аккуратными. Впрочем, как оказалось позже, об этом было проще говорить, чем реализовать на деле.

Но кроме того, что Сикорцев оказался ласковым и страстным любовником, Даша открыла в нём ещё ту самую тайну, которой непременно должен был обладать её мужчина. Это случилось в конце весны. Однажды она пришла к нему чуть раньше условленного времени. На звук дверного колокольчика Виктор – к этому времени они уже давно были на «ты» – откликнулся мгновенно. Он был явно взволнован, но Даша отнесла это на то, что он попросту рад видеть её.

Она сняла пальто в прихожей и, пройдя в гостиную, заметила, что в соседней комнате, служащей кабинетом, на столе находится необычный предмет. Это был прозрачный шар, стоящий на треноге. Девушка никогда раньше не видела его и, смеясь, спросила, не занимается ли он в свободное от работы время спиритическими сеансами, вызывая души умерших людей. Виктор явно смутился, но потом, уступив настойчивым вопросам Дарьи, которой ни в чём не мог отказать, рассказал ей необычную историю, начало которой было положено ещё в бытность его врачом местной больницы для душевно нездоровых людей в Казани.

5

На следующий день после их вечернего разговора о сути человеческого сознания и наличия существ им обладающих на иных планетах Бехтерев предложил Сикорцеву взять месячный отпуск и отдохнуть. Предложение имело форму приказа и обсуждению не подлежало. Впрочем, Виктор Павлович удивительно легко отреагировал на это, молча написав соответствующее заявление, и в тот же день отбыл поездом вначале в Москву, а оттуда, не задерживаясь, на юг, в сторону новой столицы степного края.

В спальном вагоне он ехал один. Проводник принёс чай в подстаканнике, горку крендельков на блюдечке и, получив благодарность, удалился. Оставшись в одиночестве, Сикорцев смотрел через окно на пробегающие мимо селенья, поля, перелески, слушал монотонный стук колёс и думал о том, что занимало его мысли последнее время. Вчера вечером он не обо всём рассказал Бехтеревым. Виктор Павлович умолчал о том, каким был его очередной контакт с существом, называющим себя д'Ункас. И впервые состоялся он не случайно во время гипнотического сеанса, а несколько иначе, при необычных обстоятельствах.

Тогда Сикорцев ещё работал врачом в больнице для психически пострадавших людей. Сюда попадали по разным причинам, в том числе и по причине банального пьянства. Виктор Павлович не любил эту категорию людей, сознательно убивающих в себе всё человеческое, относился к ним с некоторой внутренней брезгливостью, но, будучи врачом по убеждению, не мог отказать им в лечении. Одним из приёмов, который, на его взгляд, мог в этом случае

оказаться очень эффективным, Сикорцев считал гипноз. Больничное и районное начальство к этой идее относилось прохладно, но поскольку положительные моменты в практике молодого врача всё же были, хотя и не в том количестве, когда можно было говорить о полном успехе, то по этой причине на его опыты смотрели сквозь пальцы.

Однажды ближе к концу августа Виктор Павлович почувствовал себя уставшим после бесплодных попыток привести в состояние гипнотического сна группу больных, страдающих патологическим пьянством. Он вышел на крыльцо, глубоко подышал полной грудью, наслаждаясь прохладным воздухом, и, прислонившись к стене, стал смотреть на огромную луну, повисшую над горизонтом. Вечерние сумерки уже плавно переходили в ночь, и справа от неё была отчётливо видна яркая звезда. Откуда издали доносилось едва слышное пение сверчка. Было какое-то очарование в этом тихом вечере и в печальном облике ночного светила, переживавшего свой очередной циклический закат.

И вдруг Сикорцеву показалось, что лик луны дрогнул и на какую-то доли секунды утратил свои очертания. Вместо обычного несколько скорбного выражения он стал походить на череп того анатомического скелета, который стоял за стеклом в шкафу его кабинета. Впрочем, видение исчезло так же неожиданно, как и появилось, и с ночного небосвода на него смотрело привычное женское лицо с открытым в безмолвном крике ртом. Виктор Павлович решил бы, что это результат переутомления, вызванного работой, если бы не учащённый пульс, свидетельствующий о резком повышении кровяного давления. Он сделал несколько дыхательных упражнений, приводя себя в норму, и отправился спать. День был длинный и утомительный.

В ту ночь Сикорцеву приснился сон, в котором он увидел себя идущим по степи к небольшому озерцу, расположенному недалеко от города. Это было привычное место его воскресного отдыха. На берегу лежал большой гранитный валун, отполированный временем. На нём приятно было лежать, ощущая тепло, накопленное камнем под солнечными лучами. Сбоку, со стороны водоёма в камне имела невидимая со стороны довольно глубокая выемка. Он как-то случайно обнаружил её. В углублении можно было спрятать одежду и, пользуясь одиночеством, поплавать в тёплой, чистой воде.

Впрочем, не только он любил бывать здесь. Нередко по воскресным дням горожане приезжали сюда семьями, и тогда здесь былолюдно и даже весело. Сейчас же, в этом явственном сне, вокруг не было ни души. Сикорцев, задумавшись, автоматически отмечал как мнутсятравинки под его ботинками и не сразу заметил, как оказался на месте.

Вечерело. Светло-серая каменная глыба была всё ещё тёплой, но не это сейчас привлекало внимание Виктора Павловича. Он знал, что в углублении находится Нечто. Сикорцев присел на корточки перед своим тайником, засунул внутрь руку и нащупал какой-то гладкий и прохладный предмет. Извлечённый на свет божий, он оказался прозрачным шаром, каким пользуются предсказатели будущего, выманивая деньги у доверчивых простаков.

И в этот момент сон прервался. Сикорцев сел на кровати, припоминая детали увиденного. Он уже сейчас знал, что с трудом дождавшись утра, отправится к тому прибрежному валуну и узнает насколько вещим был этот необычный сон. Так и случилось. Ранним утром Виктор Павлович стоял на берегу озерца, держа в руках неизвестно кем спрятанный предмет.

Прозрачный шар, словно глобус, был заключён внутри объёмной сферы, образованной двумя кольцами, плоскости которых были перпендикулярны по отношению друг к другу. К ним была прикреплена короткая рукоятка, изготовленная из такого же похожего на бронзу металла. Рукоятка эта легко превращалась в треногу, и тогда она являлась подставкой для этого предмета. С противоположной стороны на пересечении колец имелся короткий стержень, составленный из тонких, переплетённых между собой проволочек. Но самым любопытным было то, что сам этот шар не касался ограждающих его металлических колец. Он словно висел в воздухе между ними. При близком рассмотрении материал его казался собранным из бесчислен-

ного множества мелких прозрачных кристаллов, образующих внутри шара сложную пространственную конструкцию.

Сон, увиденный сегодня, и найденный предмет определённо были каким-то образом связаны между собой. Такое совпадение не могло оказаться случайным. Сикорцев положил шар в полотняную сумку, которая была удобна для ношения в кармане пиджака, и отправился домой, чувствуя, что эта история должна иметь продолжение. Так оно и случилось.

Днём Виктор Павлович был занят на службе и домой вернулся поздно вечером, как обычно уставшим и слегка раздражённым. По дороге он, по обыкновению, всегда заходил в столовую, где неплохо кормили, а дома пил только чай по – индийски: с имбирём, лимоном и мёдом. Коллеги поговаривали, что такой способ повысить себе кровяное давление вреден перед сном, но Сикорцев не обращал на это внимания. Сон у него был на удивление здоров и крепок.

Сегодня же привычное место кормления неожиданно оказалось закрытым. Придя домой Виктор Павлович не спеша поужинал колбасой, купленной по дороге. После этого он сделал себе привычный напиток, поставил его настаиваться и затем только извлёк найденный утром предмет из сумки.

На ощупь шар оказался тёплым, что было неожиданно: не мог он нагреться в холщовой сумке, лежащей под скамейкой в довольно прохладной прихожей. Сикорцев ещё раз удивился его устройству, тому, что прозрачный шар, обладая тяжестью, при этом висит в воздухе, не касаясь металлических колец. И тут ещё оказалось, что в вечерних сумерках он излучает слабое свечение, какое бывает у ночных насекомых – светлячков. Виктор Павлович с едва слышным щелчком превратил рукоятку в треногу, поставил предмет на стол и, откинувшись на спинку стула, с любопытством оглядел свою находку. И чем дольше он всматривался в его внутреннюю мозаику, тем сильнее ощущал, как сознание словно растворяется в пространстве, лишая его привычной силы воли.

Ровное свечение, идущее от шара, постепенно усилилось и вскоре превратилось в волновое излучение. Оно уже не распространялось равномерно во все стороны, а словно луч прожектора было направлено в сторону человека, неподвижно замершего на стуле. В чередовании слабых и ярких волн постепенно стала угадываться какая-то закономерность, раздавался негромкий мелодичный звук, и Сикорцев физически ощутил, как превращается в точку, как неведомая сила швырнула его сознание куда-то в холодное пространство, так далеко, что этому не было аналогов в земном представлении о расстояниях. Потом снова послышался всё тот же мелодичный звук, и он увидел себя в просторном помещении.

Стены комнаты были сложены из одинаковых каменных блоков светло- серого цвета. Чёрные гладкие плиты покрывали пол, потолок был полностью перекрыт деревянными балками, имеющими цвет старого дуба. Освещение в этом мрачноватом помещении создавали имитации факелов на стенах да настольная лампа с зелёным абажуром, стоявшая на столе. Возле тяжёлого на вид стола находились под стать ему такие же два громоздких стула. Мебель имела приятный для глаза цвет полированного ореха. За исключением гладких рабочих поверхностей вся она была покрыта тонкой резьбой и отсвечивала благородным оттенком лака.

Сикорцев без удивления обнаружил себя сидящим на одном из этих стульев. За другим сидел человек в сюртуке странного покроя. На его голове красовался головной убор в форме небольшой короны, украшенной прозрачными кристаллами. Передний был больше остальных и имел цвет рубина. Но всё это – средневековая комната, необычная одежда, корона – уходило прочь и было незначительным на фоне того, как выглядел сам этот человек. Странной фактуры короткие волосы, сквозь которые просвечивала светлая кожа головы, заострённые на кончиках уши с непропорционально большими мочками, узкая прорезь рта и необычная форма носа. Присмотревшись внимательно, Виктор Павлович окончательно убедился, что это существо не

является человеком: зрачки его глаз напоминали два узких, как у кошки, вертикальных разреза.

Некоторое время сидящие за столом внимательно рассматривали друг друга, а затем в голове Сикорцева прозвучало: «Как мне следует к тебе обращаться?». При этом губы существа не шевельнулись, вопрос, скорее всего, был задан мысленно. Виктор Павлович так же мысленно ответил: «Меня зовут Виктор. Где я нахожусь?». Его вопрос остался незамеченным. «Виктор это твоё собственное имя, но есть ли у тебя титул, подтверждающий полезность для общества, удостоверяющий твой статус?». Это было неожиданно. «Нет, – подумав, ответил Сикорцев, – у меня нет титула в твоём понимании, но у себя дома я врач, лечу людей. Как мне к тебе обращаться?». Существо также ответило не сразу. «Обращаясь ко мне, говори – д’Ункас. Здесь, у нас, это и имя, и титул одновременно. Ты должен помнить меня, поскольку мы уже позволяли тебе увидеть наш мир моими глазами», – прозвучало в голове. «Да, конечно... Я и в самом деле недолго видел ваш мир твоими глазами...» – вспомнил вдруг Сикорцев, откуда ему известно имя собеседника. – «Но как я теперь оказался здесь и зачем?».

То, что он услышал было неожиданным. «Тебя нет здесь», – ответил собеседник, и подобие улыбки мелькнуло на его бесстрастном лице, – «в настоящее время ты находишься у себя дома, в постели. Здесь присутствует только твоё сознание. У вас там, на Земле, ещё не знают, что всё окружающее нас это продукт мысли, а сознание это способ отражения материального мира. К пониманию, что такое «голограмма» ваши учёные придут позже, лет через сто в вашем исчислении. По этой причине мне нет смысла объяснять суть этого слова: у тебя нет достаточного количество знаний».

«Хорошо, пусть будет так... Но как вам удалось переместить моё сознание сюда, на вашу планету? Я слышал нечто невероятное о том, какие гигантские расстояния пролегают даже между ближайшими звёздами». «Это всё благодаря особому устройству, которое ты нашёл якобы случайно». «Ты имеешь ввиду тот самый хрустальный шар?». «Да, я имею ввиду это устройство, которое ты называешь «шар». Оно способно мгновенно активировать твоё сознание и перенести его на любое мыслимое расстояние. Ты не в состоянии понять принцип его работы. Скажу только, что при определённых технологиях ты сам сможешь переносить себя в любую точку пространства практически мгновенно. Просто наши устройства усиливают эту возможность и делают её более эффективной. Мы доставляем их на те звёздные системы, в которых заинтересованы. Там со временем появляется по меньшей мере один абориген, частота излучений мозга которого попадает в диапазон частот нашего устройства. И тогда появляется возможность подготовить одного или группу наших агентов влияния на новой планете».

Это было по меньшей мере неожиданное сообщение. «Так я должен стать вашим агентом, не изъявив на то собственного желания?». «Нет, это не так. Я расскажу тебе о нашей миссии, и ты поймёшь, что это почётное служение общему делу всех разумных существ во Вселенной. Готов ли ты выслушать меня?». «Да, я готов». «Тогда слушай, человек». И д’Ункас начал свой рассказ.

«Цивилизация Тамиры – так называется наша планета – является одной из древнейших в галактике. Она пережила множество падений, от моментов, когда, казалось, разумная жизнь умерла окончательно, к последующим взлётам до немыслимых технологических высот, пока, наконец, совокупная информация о причинах таких скачков стала достоянием группы жрецов – учёных в вашей терминологии. Во главе этой группы стояла женщина с необычными способностями. Она могла предвидеть будущее настолько точно, что это было похоже на волшебство. Необычным было и её появление в нашем мире.

Младенец в возрасте, примерно, года был найден охотниками высоко в горах, на границе раздела льдов и скудной растительности. Совершенно нагая девочка сидела на плоском камне, тёплом от лучей солнца. Увидев охотников, она протянула к ним руки и засмеялась. Не смотря на ощутимый холод, девочка чувствовала себя прекрасно. Вокруг не было ни малейших следов

тех, кто оставил ребёнка на произвол судьбы. Охотники забрали девочку с собой и доставили в город. Там она получила имя Мирта и была определена в приют для детей, оставшихся по каким-то причинам без родителей.

К тому времени на Тамире исторически сложилось два объединённых государства. Названия их сложны, и понятнее будет, если я назову их Западное и Восточное. Оба они, исповедуя разное мировосприятие, переживали к тому времени расцвет технологий. Девочка была найдена в горах Западного государства, которое формально исповедовало принцип главенства права отдельной личности. Здесь личная жизнь ценилась превыше всего, а разумное сочетание законов обеспечивало эффективное развитие общества.

Восточное же государство во главу угла ставило общественные институты. Там считалось, что каждый отдельно взятый индивидуум сам по себе всегда заменим, представляет небольшую ценность, и только государство в лице группы просвещённых людей в состоянии определить наилучший путь своего дальнейшего развития. При этом любые попытки изменить общественный строй здесь жёстко пресекались, как, впрочем, и в Западном государстве.

Для управления гражданами в обеих странах были созданы особые правила воспитания, которые внедрялись в сознание детей буквально с младенческого возраста. Как ни странно, для этих целей общей в обеих государствах оказалась религия. Она хоть и отличалась в деталях, но в её основу была положена вера в единого Конструктора, который создал всё сущее в этом мире. Я не стану вдаваться в эти детали, поскольку, как выяснилось позже, они не являлись существенными.

Казалось, что технология жизни в Западном государстве была более эффективной. Но это только на первый взгляд. Тысячелетиями копившиеся материалы, наконец, были проанализированы учёными. И впервые это сделали аналитики Западного государства под руководством д'Мирты, которая к тому времени приобрела мировую известность даже не столько своими трудами в области социологии, но сколько тем, что с удивительной точностью предсказывала различные события, ссылаясь на прямые контакты с самим Конструктором. И это, хотя и звучало необычно, было трудно опровергнуть.

Вот тогда-то по обе стороны границы всё чаще стали звучать вначале робкие, а затем всё более громкие высказывания, что эта женщина является не только проводником идей Конструктора, но и его представителем в нашем мире.

Так вот, выводы, сделанные группой д'Мирты, доказывали, что любое государство, в геометрической прогрессии наращивающее в городах технологии, освобождающие человека от необходимости физического труда, обречено со временем на гибель. Оно съедает самоё себя за счёт растущей гипертрофированной свободы каждого индивидуума. Той самой бесцельной свободы, которую приносят технологии, дающие, с одной стороны, избыток жизненных благ и свободного времени, а с другой – создающие расслоение общества на небольшое количество очень богатых и огромное большинство очень бедных и, по сути, ненужных, бесцельно живущих людей.

Вынужденные концентрироваться в городах, последние более многочисленны, более плодотворны и агрессивны, чем успешная часть населения. Со временем эти лишние люди, наблюдая жизнь богатых хозяев технологий и сравнивая со своей собственной, постепенно объединяются в группы. Их лидеры создают философское оправдание своим действиям, а затем под лозунгом справедливого устройства мира начинают войну бедных против богатых, несостоявшихся людей против успешных и в итоге разрушают государство. Затем проходит время, много времени, и на пепелище прошлой возникает новая общественная генерация.

Спустя столетия ситуация повторяется на новом уровне и так циклически может происходить до бесконечности: взлёт и падение, взлёт и падение. Это при условии, что при очередном противостоянии противоборствующие стороны не уничтожат жизнь на планете как таковую.

Основной вывод, который был сделан группой учёных, состоял в том, что проблема неустойчивого развития общества заключается в отсутствии цели существования цивилизации и условий её достижения. И д'Мирта, ссылаясь на контакт с Конструктором, сформулировала эту великую Цель. Тебе непросто будет понять, человек, но я постараюсь изложить её наиболее доступно.

В высшем мире, недоступном нашему пониманию, идёт постоянная борьба Конструктора с его антиподом – Разрушителем. В этой борьбе оба они опираются не только на собственные знания и идеи, но в том числе и те, что рождающиеся в головах своих сторонников – мыслящих существ.

Наша Вселенная возникла из Ничего усилием мысли Конструктора при полном согласии и даже участии Разрушителя. Никто не знает, что представляет из себя это Великое Ничто, но всё сущее родилось из него одномоментно, в форме начального взрыва. Осколки взрыва с колоссальной скоростью разлетались во все стороны, рождая по пути звёзды, планеты и жизнь на некоторых из них. Жизнь эволюционировала, мыслящие существа в своих предпочтениях осознанно или неосознанно принимали сторону либо Конструктора, либо Разрушителя. От этого часа весов в их противостоянии склонялась то в одну, то в другую сторону, рождая катаклизмы в обществе.

Идея, высказанная великой женщиной состояла в том, что Целью нашей цивилизации является осознанное служение Конструктору. Жизнь каждого из нас должна быть направлена на поиск новых знаний в стабильном обществе. Жрецы – собиратели знаний – должны стоять во главе единой цивилизации, определяя путь её развития. Жизнь отдельного индивидуума ничто в сравнении с этой Целью. Разумный отбор особей с подходящей генетикой позволяет ускорить этот процесс и сделать его более эффективным. Воспитание новых особей это удел государства, а не семьи. Новая форма общественного устройства, позволяющая избежать междоусобных войн и обеспечивающая достижение основной цели – служение Конструктору, должна быть распространена на другие планеты, создавая Единую всегалактическую цивилизацию.

Такова в общих чертах Идея и принципы её осуществления, благодаря которым мы уже много столетий не знаем войн и активно накапливаем знания, позволяющие противостоять Разрушителю. Ваша планета давно находится под нашим наблюдением. Она испытывает сильное влияние Разрушителя. Наша задача создать форпост на Земле, подготовить людей к новому общественному укладу с целью служения создавшему нас Конструктору.

Я сказал, ты услышал. Теперь можешь задать свои вопросы, человек». Сикорцев не сразу собрался мыслями. Уж больно необычно было всё, что он услышал: Конструктор, Цель, устройство общества, форпост...

– «Спасибо за рассказ», – наконец мысленно подал он голос, – «признаюсь сразу, мне не по душе такое подавление личности и тот отбор, благодаря которому, насколько я понял, не все рождённые на вашей планете имеют право на жизнь. Боюсь, что и большинству моих соотечественников это тоже не понравится. Все живые существа должны иметь право на свой шанс стать кем-то».

д'Ункас поднял руку:

– «Ты не прав, человек. Мы значительно старше вас, и у нас накоплен печальный опыт того, к чему приводит различие мнений и то, какими средствами эти мнения отстаиваются. Есть единственно правильный путь развития общества, и он состоит в служении Конструктору. Вам предстоит убедиться в этом в ближайшие годы. Наши вычислительные машины уже смоделировали путь вашего развития, отталкиваясь от истории и того, какие мысли будоражат головы людей, озабоченных таким понятием, как «справедливость». Вывод таков: страну, в которой ты живёшь ждут нелёгкие времена. Она исчезнет в том виде, в котором существует сегодня. Это будет сопровождаться десятками миллионов смертей. Причина этого кроется в

неправильно понимании мироустройства. Мы поможем вам, но только после того, как само общество будет подготовлено к этой акции происходящими событиями. К этому же времени на Земле будет создано общество последователей наших идей. Одну из его ячеек возглавишь ты, человек. Мы поможем тебе в этом!.

Сикорцев усмехнулся:

– «А что будет, если я откажусь принимать в этом участие?».

– «Нет, ты не откажешься. После того, как тебя ознакомят с результатами работы наших учёных, ты поймёшь, что это единственно правильный путь развития вашего общества. В противном случае той части страны, в которой ты живёшь, со временем грозит полное уничтожение. Тебя устроит такое положение вещей?».

– «Нет, – не задумываясь, ответил Сикорцев, – не устроит. И что я должен буду сделать для этого?».

– «Ты врач, который пытается лечить людей, изменяя их психику. Мы усилим твои возможности, и ты создашь у себя ячейку из последователей наших идей, отбирая их так, как был отобран ты сам».

– «Это интересно! Как же был я отобран? По каким признакам?».

– «Ты ещё не знаешь, что мозг любого мыслящего существа излучает электромагнитные волны. Наш прибор на земле настроен на их определённую частоту таким образом, что позволяет отобрать только те экземпляры вашего вида, которые быстрее всего воспримут наши идеи. Твоя задача состоит в том, чтобы собрать их вместе, организовав тайное общество, где ты сам будешь проповедником этих знаний. Потом мы заберём этих адептов, вложим в их головы дополнительные знания, убеждения и расселим по вашей планете с тем, чтобы они готовили общество к будущим контактам с представителями нашей расы.

Это долгий путь. Весьма вероятно, что ни мне, ни тебе при жизни так и не удастся увидеть результаты этой работы. Свою ячейку ты назовёшь «Мёртвая Луна».

– «А почему так мрачно? Почему не «Живая Луна»?

д'Ункас тяжело поднялся из-за стола и подошёл к окну. Сикорцев, глядя на учёного, подумал, что тот уже далеко не молод.

– «Подойди сюда, человек», – сказал д'Ункас.

Сикорцеву ничего не оставалось, как подойти к нему. Вблизи стал ощущаться лёгкий лимонный запах, исходивший от этого существа.

– «Посмотри на нашу луну», – произнёс он.

За окном стояла глубокая ночь. Где-то очень далеко виднелись очертания гор. На тёмно-фиолетовом небе блистали россыпью созвездия незнакомой конфигурации. Центр галактики – Млечный Путь – был более плотным и занимал большую часть небосвода. Слева в нижней части его была видна полная луна. Её диаметр был чуть больше земного спутника. Тёмные пятна на ней создавали видимость человеческого черепа. Сикорцев сразу вспомнил то самое видение, принятое им за сон, когда ему пришлось видеть этот же пейзаж, но только при более ярком освещении. Впрочем, луна была тогда в точности такой же, похожей на человеческий череп. Тогда он решил, что это просто интересный сон.

– «Великая женщина ушла от нас необычным образом», – продолжил свой рассказ д'Ункас. – «Однажды ночью д'Мирта собрала в этом здании своих ближайших соратников и изложила им свой план действий на много лет вперёд. Он был представлен в виде книги, на обложке которой был оттиск в форме той луны, что ты только что видел. Должен сказать, что до этого момента лик нашего спутника имел однородный светлый тон.

Закончив свою речь, д'Мирта положила книгу на специальную подставку, где она покоится и в настоящее время. И в этот момент со стороны небес раздался ужасающий грохот. Небо осветилось тысячами огней. Наша планета неожиданно подверглась метеоритной атаке. Тогда были разрушены многие города, погибли миллионы жителей. Здание храма же уцелело.

Но когда собравшиеся пришли в себя, они обратили внимание, что д'Мирта исчезла. Только на подставке лежала оставленная ею Книга, вокруг которой было замечено слабое свечение. Там она покоится и по сей день. Но миллионы её копий лежат на почётных местах в каждом доме. Отбывая домой, ты тоже получишь экземпляр этой Книги. Умение прочесть её текст будет заложено в твою голову.

Когда улеглась пыль, поднятая осколками упавших на планету небесных камней, все увидели, что наш спутник изменил свой облик. С тех пор мы называем его Мёртвая Луна как символ ушедшей от нас Святой д'Мирты. Мы верим, что она жива и находится в чертоге Конструктора. Как и твёрдо уверены в том, что произошедшее тогда с нашей планетой, это результат противостояния Конструктора и Разрушителя».

Они вернулись за стол.

– «У тебя немного времени», – сказал д'Ункас. – «Возможности наших устройств ограничены, и мы не можем удерживать твоё сознание здесь сколь угодно долго. Ты вернёшься домой, изменишь место своей работы и вскоре уедешь в другой город. Под его холмами находится построенная нашими инженерами база. С помощью скрытых там устройств ты сможешь переправить сюда для обучения и последующего расселения по Земле подготовленных тобою людей. Инструкция к действию будет также вложена в твою голову вместе с новыми знаниями и возможностями.

Мне кажется, я всё сказал. Прощай, человек. Вряд ли мы с тобой сможем больше увидеться. Я стар, и мне скоро суждено будет отправиться на суд к Конструктору».

Он положил руку на стоящий перед ним шар, и Сикорцев, не успев сказать слова прощания, ощутил, как та же колоссальная сила выхватила его и ставшего уже привычным интерьера комнаты и швырнула в ледяную бесконечность.

Очнулся Виктор Павлович у себя в постели. На столе рядом с кроватью слабо светился хрустальный шар в бронзовом обрамлении, напоминая, что всё произошедшее с ним вряд ли могло быть просто сном. Сикорцев знал, что сегодня уволится с работы в больнице для психически нездоровых людей и вскоре получит новую должность в университетской лаборатории, которую организует молодой столичный профессор, получивший кафедру психиатрии. Потом пройдет время, и он уедет на юг, где в новом городе, раскинувшимся на гранитных холмах вдоль широкой реки, его ждёт то, для чего он предназначен силами свыше.

6

Даша слушала рассказ Виктора с нескрываемым удивлением. Этот человек только что раскрылся перед ней с иной, совершенно непривычной стороны. Оказывается, он в своей жизни соприкасается с такими вещами, о которых даже помыслить не каждый сможет.

– Скажу сразу, – наконец заметила девушка, – что мне категорически не нравится образ мыслей этого д'Ункаса, как ты его называешь.

– Отчего же, позволь узнать?

– Оттого... Не нравится и всё тут... И как часто ты общаешься со своими инопланетными друзьями? – спросила она, взяв его за руку.

– Не часто, – ответил Сикорцев, целуя её пальчики, – я бы даже сказал, что крайне редко. Мне кажется, что это устройство – я называю его хрустальный шар – самостоятельно вкладывает в мою голову нужные мысли, определяет поступки.

– Ты хочешь сказать, что я появилась в твой жизни тоже благодаря хрустальному шару?

– Ну, уж нет! – рассмеялся Виктор. – Это, скорее, божья благодать, знак свыше, а не действия механизма, пусть даже такого сложного.

– Но тебе удалось создать тайную ложу с этим жутковатым названием?

– Да, такая ложа создана. Число членов её пока невелико, но со временем, я полагаю, их станет больше. Дело в том, что шар реагирует только на тех моих пациентов, частота мозгового излучения которых совпадает с его собственной. А это, увы, происходит не часто. Вот на тебя, например, он не реагирует вовсе.

– Жаль... Получается, что я не могу присутствовать на ваших мессах? Было видно, что Сикорцев не ожидал такого вопроса и колеблется.

Наконец, он произнёс:

– Отчего же, дорогая, ты можешь присутствовать на наших собраниях, или мессах, как ты их называешь, если тебя это интересует.

– Конечно мне интересно, как и всё, что происходит вокруг тебя. И как часто происходят ваши собрания?

– Не часто. Мы собираемся, примерно, один раз в месяц. Для встреч нами куплен дом неподалёку отсюда. Там имеется подземный тоннель, в который

впадает небольшая речушка, текущая по дну Жандармской балки. В этом тоннеле, на его берегу, мы обычно заканчиваем наши встречи.

– О, Господи! А почему именно там, в подземелье?

– Этого я не знаю, но так мне было велено посредством шара. В этом месте имеется что-то вроде вытянутой площадки, а на стене перед ней я белой краской собственноручно нарисовал облик той самой Мёртвой Луны, какую мне довелось увидеть на Тамире. Впрочем, тебе, радость моя, там бывать вовсе не обязательно.

Виктор привлёк девушку к себе и осторожно поцеловал в тёплую, пахнущую лавандой щёчку. Даша вдруг отстранилась и прижала ладонь к губам. Лицо её побледнело, было видно, что девушке нехорошо.

– Что с тобой, родная? – испуганно спросил Сикорцев.

Даша не ответила, поднялась и быстрым шагом, почти бегом, бросилась к туалетной комнате. Было слышно, как там её несколько раз вырвало. Прошло минут десять пока она снова показалась в гостиной. Девушке явно нездоровилось, она тяжело дышала.

Сикорцев подошёл к ней, взял за плечи и развернул лицом к себе:

– Что происходит? Ты случайно не больна ли, моя дорогая? Даша неуверенно пожалала плечами:

– Да нет... Я, в целом, хорошо себя чувствую. Вот только иногда беспричинно накатывают приступы тошноты. А сегодня и вовсе дошло до рвоты... Не пойму, что со мной происходит... Всё время запахи какие-то чуждые, постоянно хочется чего-нибудь необычного. Вчера, к слову сказать, едва смогла оторваться от квашеной капусты с луком. Ты же врач, скажи, что бы это всё значило?

Виктор усадил девушку в кресло и задумчиво прошёлся по комнате, ощупывая подбородок:

– Прости, что спрашиваю о таких вещах, но как у тебя обстоят дела с регулярными женскими неприятностями?

Даша ненадолго задумалась, но потом неуверенно ответила:

– Ты прав, вот уже два месяца как я не знаю, что это такое... То есть ты хочешь сказать...

– Да, – прервал её Сикорцев, – по-моему, ты беременна. Все симптомы налицо. Я очень прошу тебя сходить в земскую больницу и показаться доктору Штокману. Борис Львович хороший специалист, и он точно поставит диагноз. Я напишу ему записку, и прошу тебя, не стоит тянуть с этим делом.

На следующий день Даша навестила врача, и тот подтвердил её худшие подозрения: она была на втором месяце беременности. Об этом предстояло известить тётушку, и девушка была в ужасе. На все уговоры Сикорцева пойти, во всём признаться и просить руки с тем, чтобы

готовиться к свадьбе, она ответила отказом, прося подождать, пока она свыкнется с этой мыслью. На том и порешили.

Тётушке же решено было сказать, что Даша станет посещать курсы при больнице для барышень, решивших стать впоследствии сёстрами милосердия. Так можно было раз в месяц беспрепятственно покидать дом по вечерам.

Вскоре наступило лето. Вместе с ним пришла жара, и город неожиданно залили нескончаемые дожди. Даша успела посетить всего два собрания тайной ложи под названием «Мёртвая Луна», к которому она никак не могла привыкнуть. Членов тайной организации оказалось немного, человек двенадцать. Это, в основном были солидные, уважаемые в городе люди, и было странно слышать их рассуждения о новом устройстве общества, об опасности вольнодумства, о высоком предназначении мыслящих существ, которое заключалось в служении Творцу.

Последнее собрание, на которое она пришла, было тринадцатым по счёту. Она поняла, что от него Сикорцев – он же Мастер для членов ложи – ждал чего-то особенного. Он не хотел, чтобы Даша присутствовала на нём, но девушка настояла на своём, сказав, что после этого они во всём признаются тётушке и будут просить её благословения. В ожидании этого момента она волновалась и с трудом дождалась окончания собрания.

К вечеру дождь прекратился, и члены ложи в ожидании окончательного акта стояли возле дома, негромко обсуждая превратности погоды. Вскоре появился Мастер. Он велел мужчинам разобрать факелы, и нестройной колонной все двинулись к тоннелю. Даша шла последней. У входа в подземелье Мастер остановился, пропуская мимо себя членов ложи. Каждый из них касался правой рукой шара в руке Мастера и исчезал в чёрном проёме, куда, журча, текла мутная от дождей речушка.

Даша тоже собиралась войти внутрь, но Виктор неожиданно остановил её:

– Останься здесь, – произнёс он негромко. – Я не знаю, как пойдёт всё дальше, но и остановиться уже не могу. Возьми шар, положи его в сумку и жди меня здесь. И, прошу тебя, не нужно перечить.

Жестом Сикорцев остановил пытавшуюся возразить девушку, поцеловал её и шагнул в тёмный проём тоннеля. Даша отошла чуть выше от входа в тоннель и стала ждать в тени невысокого дерева. Прошло пять, десять, пятнадцать минут, и она вдруг с ужасом поняла, что сейчас должно произойти нечто непоправимое, что-то такое, отчего её жизнь изменится и никогда не станет такой, о которой они вдвоём мечтали ещё вчера. В этот момент она явственно услышала как в вечерней тишине раздался негромкий, но мощный металлический щелчок, а секунды спустя из подземелья, заполнив всё его сечение, хлынул наружу мощный поток прозрачной воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.